

В.Б.Трофимова

ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ В КРИТИКЕ М.О.МЕНЬШИКОВА

Анализируется концепция литературных героев критика и публициста М.О.Меньшикова (1859—1918), основанная на таких философско-нравственных категориях, как «совесть», «разум», «стихийное сознание», «нравственное возрождение человека». Автор приходит к выводу, что интерес к этим категориям проявился у Меньшикова под влиянием на него позднего творчества Льва Толстого, а также литературно-исторической теории английского философа и литературного критика Т.Карлайля.

Ключевые слова: литературный герой, литературная критика, концепция литературных героев М.О.Меньшикова, публицистика Л.Н.Толстого, теория типов героев-гениев Томаса Карлайля, философско-нравственные категории совесть, разум, стихийное сознание, нравственное возрождение человека

Русский литературный критик М.О.Меньшиков (1859—1918) начал свою литературную деятельность на страницах газеты «Неделя», являвшейся периодическим изданием умеренного крыла народничества. Основу идеологической программы этой газеты составили теории педагогического толстовского направления в народничестве. В публицистике «Недели» со второй половины 1890-х гг. наряду с освещением острых политических вопросов стала разрабатываться нравственно-этическая проблематика. Главным публицистом, исследующим нравственную тему, стал М.О.Меньшиков. Тогда Меньшиков, как и руководитель «Недели» того периода — В.П.Гайдебуров, восхищался общественно-философскими идеями Л.Н.Толстого и демонстрировал «критическое» отношение к действительности. [1, с. 92]. В период работы в «Неделе» под влиянием философской публицистики позднего творчества Л.Н.Толстого и теории смены типов героев-гениев в истории английского литературного критика, историка и философа Т.Карлайля Меньшиков представил свою трактовку литературно-теоретической категории «литературный герой» и создал концепцию смены в истории типов литературных героев. Этический аспект рассмотрения литературного произведения всегда являлся главным для Меньшикова-критика. С конца 1880-х — 1890-х гг. этическая категория «совесть» стала центральной в его литературно-критическом творчестве. Меньшиков начал постоянно размышлять над трактовкой категории «совесть» после ознакомления с философско-публицистическими работами Л.Н.Толстого.

В 1880-х — 1890-х гг. Меньшиков внимательно изучал философско-публицистические трактаты Л.Н.Толстого «Исповедь» (1879—1883), «О жизни» (1887), «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое непонимание» (1890—1893), «Неделание» (1893), «Что такое искусство?» (1897—1898). В процессе изучения философской публицистики Л.Н.Толстого Меньшиков ощутил необходимость личного обращения к великому писателю и написал ему целый ряд писем, на многие из них критик получил благожелательные ответы с разъяснениями Л.Н.Толстого. Между Меньшиковым и Л.Н.Толстым завязалась оживленная переписка, а критик по приглашению Льва Николаевича несколько раз посетил Ясную Поляну. Например, в письме от 23 сентября 1895 г. Меньшиков писал Л.Н.Толстому:

«<...> В прошлом году два раза читал «О жизни» и вот теперь Ваше второе письмо, но вполне усвоить Вашу мысль о разуме не могу. Вы пишете, как Вы понимаете... <...> У Вас «Разум» освобождает «сущность жизни — любовь»; у меня «стихийное сознание» есть уже освободившаяся любовь, т.е. в своём напряжении, как электричество или тепло, дошедшее до степени света. Моё «стих. сознание», как и «Разум», разрушает обманы ума (опыт рода вернее опыта личности). И на «стихийное сознание» я смотрю как на божественную, постепенно открывающуюся сущность, как Вы на «Разум». Конечным пределом роста «стих. сознания» я считаю полное уничтожение чувства личности, поглощение его мировым сознанием (Божьим). <...> 23 IX» [2, Л. 6 (об), 7, 8].

Наиболее важным для понимания специфики литературно-критического творчества Меньшикова произведение — это критико-публицистическая проблемная статья «Героизм» (1898) из книги «Начала жизни: Нравственно-философские очерки». В ней критик прослеживает эволюцию идеала героя в человеческой истории на примере смены типов литературных героев. В этом эссе критик представляет свою литературно-теоретическую типологию литературных героев, полемизируя с английским историком, представителем «органической» критики Т.Карлайлем, который создал в 1840-х гг. свою типологию героев-гениев, исходя из выделенных им типов гениальной исторической личности в области политики, философии, искусства. Меньшиков начинает эссе с парадокса: «Для человека самое загадочное существо — он сам» [3, с. 70].

Меньшиков был убежден, что жизнь отдельного человека и история цивилизации — это постоянная смена и проверка идеалов, принятых в различные эпохи. «Бог во всех религиях есть нравственный идеал человеческой души, тот образ и подобие, по которому она творит себя. От высоты и ясности этого тайного богосознания зависит благородство человека — телесное и духовное» [3, с. 71-72]. Меньшиков видит прямую зависимость между совершенствованием идеала божества эпохи и более нравственным представлением о человеке — герое этой эпохи, воплотившемся в литературном герое: «Героический эпос есть как бы вторая

религия, более земная, более близкая к человеку, где действуют те же боги, только смертные по плоти» [3, с. 73]. По мере совершенствования идеала на примере героя трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида Ореста Меньшиков показывает, как происходит его нравственная трансформация, пробуждение в нем совести. Если у Эсхила и Софокла герой без колебаний совершает убийство матери, то Орест у Еврипида уже колеблется, а, убивая мать, он раскаивается и проклинает бога, который внушил ему мысль сделать это. Именно пробуждение совести, нравственный рост идеала, по мнению Меньшикова, способствует появлению нового типа героя — героя-философа:

«Впервые древний грек, этот “смеющийся лев”, ощутил в себе рождение новой страсти — совести. Этой страсти суждено было медленно разгораться; потребовалось несколько столетий после троянских битв, чтобы наряду с героем-борцом выдвинулся герой-философ, но когда это, наконец, случилось, то Пифагор, Сократ, Зенон, Эпиктет, Марк Аврелий в сознании лучших людей затмевают не только Ахиллов, Язонов и Диомедов, но даже Ликургов и Катонов. Представление о совершенном человеке выросло до того, что иногда (как в учении Будды) человек ставился в образец богам, конечно, человек “пробужденный”, “мудрый”. Как благороднейший плод древнего гения, еще за пять веков до появления Христа возникало удивительное нравственное учение и в Европе, и в Азии — учение, где понятие об идеальном человеке было совсем иное, чем прежде. К несчастью человечества, этот новый нравственный культ был извращен и подавлен грубыми стихиями: в Европе — римского и германского варварства, в Азии — браминами. Ряд богоподобных мудрецов, учивших любви и миру, прошел одиноко в тогдашнем человечестве, успев увлечь лишь исключительно светлые души. На тысячу лет снова возобладал древний героизм — военный, пышный расцвет которого был в феодальном рыцарстве. Роланд, Баярд, Амадис, Астольф, Готфрид, Артур и пр., и пр. целые века повторяют подвиги Геркулеса, Ахилла, Аякса, Тезея и др.» [3, с. 74-75].

Средневековье, по мысли Меньшикова, продолжало почитать не только кровожадного героя-воина, оно выдвинуло и «нравственного героя» — Франциска Ассизского, богатыря-отшельника. Меньшиков показывает, что Дон Кихот у Сервантеса — это новый герой, в котором подлинно рыцарским качеством является его благородство и великодушие, которые не совместимы с воинственной храбростью и кровожадностью былых героев-воинов. В интерпретации Меньшикова подлинными героями Шекспира являются уже не герои-воины, а иные, страдающие герои: Гамлет, Лир, Отелло, Ромео. Именно Гамлет снова, по мысли Меньшикова, становится новым героем, знаменующим начало новой эпохи — Возрождения: «Гамлет, подобно Оресту Еврипида, в этом отношении — родоначальник современных героев: в нем впервые средневековый варвар почувствовал новый нравственный инстинкт, парализовавший зверское чувство мести. <...> Thus conscience does make cowards of us all!¹ — горько восклицает неукротимый рыцарь, потомок норманнов, сын самого конунга. Правда, он был уже в университете, он уже обвеян Возрождением» [3, с. 77-78].

Меньшиков убедительно доказывает, что следующее произведение, знаменовавшее совершенствование идеала, — это «Потерянный рай» Дж.Мильтона, которым его автор отрицает саму идею борьбы. Далее, по мнению Меньшикова, в истории развития идеалов и героев следует образ Фауста Гёте.

Меньшиков был уверен, что герой-богоборец (Сатана, Каин, Мефистофель, Демон Лермонтова) более не будет кумиром публики. По мысли критика, новый герой — это вестник Божественной любви, добра, высшего великодушия в мире людей. Этот герой-праведник подобен десяти библейским праведникам, борцами со злом в мире. Герои-праведники происходят из народной среды, составляя подлинную «народную интеллигенцию», или из среды старой аристократии. Среди героев-праведников из народной среды Меньшиков отводит особую роль героям Л.Н.Толстого — Акиме из драмы «Власть тьмы», Платону Каратаеву из эпопеи «Война и мир», Никите из рассказа «Хозяин и работник». Другой новый герой-праведник Л.Н.Толстого из старинной аристократии — это Константин Левин из романа «Анна Каренина». Меньшиков дает яркую характеристику народных героев-праведников, показывая их трансформацию в произведениях русских писателей XIX в: «Именно эти неведомые, «невежественные», как их принято называть, мудрецы составляют истинную народную интеллигенцию, «соль земли и свет миру», хотя ходят в лаптях и пашут. Где-нибудь на пчельнике, на темных палатах, на сеновале, на печи, в дороге за обозом среди глухого леса идут тихие разговоры этих людей, безыскусственная философия, подслушанная ими, так сказать, припав ухом к земной почве. Корявый язык, корявый иногда до бессвязного бормотанья: «тае, тае...», как у бедного Акима во «Власти тьмы». Но к малопонятному иногда тексту их мысли дается удивительная по яркости иллюстрация — самая жизнь мудреца, праведная, прекрасная, кроткий образ его. И свет этой жизни непременно светит и делает свое творческое благое дело. Никому и в голову не придет в деревне, что Аким — человек необыкновенный, что он мудрец; над ним чаще всего подсмеиваются; те, для которых он служит живым укором, считают его даже “дурачком”. Он на последней ступени общественной лестницы, он, быть может, чистит отхожие места, как толстовский Аким. Но никто от него не видит зла, не слышит безумия, никому около него не больно, каждому он дает немножко радости — в ласке своей и кротком слове. Таков Платон Каратаев в “Войне и мире”, Никита в “Хозяине и работнике”, многие типы народные у Тургенева, Глеба Успенского. Каким-то таинственным подбором, какою-то непризнанною культурой вырабатываются эти удивительные люди. Они точно выходцы из древнего «золотого века» или вестники будущего, еще далекого. Они совсем добрые, совсем счастливые люди, люди-дети, которые уже живут в Царствии Божием, умудренные всеми блаженствами Нагорной проповеди:

¹ «Так совесть превращает всех нас в трусов!» (англ.). — перевод М.О.Меньшикова.

смирением духа, чистотою сердца, жаждою правды, любовью к миру, кротостью и способностью легко переносить все беды жизни, лишь бы оставаться такими, какие они есть, — богопроникновенными. Истинный мудрец не может, даже сам того не замечая, не просвещать среду свою — в меру ее восприимчивости, и роль таких людей в народных массах громадна» [3, с. 85-86].

Меньшиков выдвигает свое обоснование социального происхождения героя-праведника преимущественно из народной среды или среды высшей аристократии, так как именно в этой среде сложилась культура, нравственно-религиозные устои. Героев из среднего класса (среднего дворянства, разночинцев) Меньшиков не считает подлинными героями-праведниками, а героев-дворян Тургенева и интеллигентов Чехова вовсе очень резко осуждает за бездеятельность и никчемность:

«Гораздо реже новый героический тип встречается в средних слоях — мещанстве и мелком дворянстве — и сравнительно чаще попадает среди старой аристократии. Ведь только простой народ и старинная аристократия культурны, то есть имеют культ (религиозный, нравственный, политический), имеют стойкие традиции, и только здесь возможны выработанные, отстоявшиеся типы. Средний, промышленный, разночинный класс представляет самый подвижный, самый сырой материал, оторвавшийся от почвы народной и ни во что определенное не сложившийся. Но и здесь встречаются люди высокой души: тургеневская Лиза, гончаровская Вера, Алеша Карамазов, Татьяна Пушкина — все это удивительные образцы людей из среднего дворянства. Праведность их была бы мудростью, если бы не искажалась умствованиями бесчисленных учений, на которые этот класс, как самый сырой и отзывчивый, особенно падок. В этом классе, по впечатлительности своей особенно жадном, чаще всего встречается душевное обжорство, пресыщение, переутомление и как результат их — упадок духа, скептицизм, пессимизм, отрицание вообще, тогда как в народе и аристократии преобладают воздержанность и инстинкты положительные, инстинкты веры. <...> И хотя литература наша берет по преимуществу героев из средних классов, но, в сущности, должна бы брать их из аристократии и простого народа, как натуралисты берут по преимуществу законченные виды, а не гибридные формы. Тургеневские герои в большинстве случаев духовные убожества, как теперь у Чехова» [3, с. 86-87].

Оба типа героя-праведника могут сближаться, влиять друг на друга. Меньшиков приводит в пример Левина в его соприкосновении со средой народной мудрости, праведности: «Старинная аристократия, если она независима, представляет благоприятную среду для развития праведного типа, хотя менее благоприятную, чем народ. Принцип аристократии — неравенство, народа — равенство, что ближе к нравственному идеалу; зато в аристократии более действителен другой принцип — совершенство, тогда как в народе он менее заметен. Он не отсутствует и в народе (среди которого подвижничество в таком уважении); здесь он, может быть, даже более глубок, но более узок. Лучшие люди крайних слоев, народа и аристократии, сближаются; как родные братья после долгой разлуки, они подают друг другу руки. У нас в литературе тип нового героя из аристократии — Левин в «Анне Карениной». Он гордится, что аристократ, что имеет хоть три поколения предков чистой, порядочной жизни, живших независимо, не торгуя совестью, не унижаясь из-за подачек, — предков, имеющих хорошие нравственные предания. И в то же время Левин говорит: «Что такое народ? Я сам народ». Он восхищается трудовой жизнью простонародья, сам работает с ним, умеет находить и красоту, и силу в этой бедной жизни, и глубокую мудрость у простого «дяди Фоканьча», которого бесхитростная жизнь сразу освещает душевный мир Левина, дает разрешение его томительным думам о жизни. Как противоположные полюсы насыщены различным, но на самом деле одним электричеством и стремятся к соединению, так и мудрость старой аристократии, встречаясь с народною, дает искру союза и слияния в одной и той же правде. Припомните эти замечательные главы (особенно XI—XII) последней части «Анны Карениной», где Левин (после Фауста самый крупный «герой» в литературе) прозревает, наконец, смысл жизни. <...> Вы видите, какой поразительный рефлекс произошел от прикосновения мыслящего аристократа к народной почве. Впервые после падения языческого идеала отдаленный потомок Гамлета и Фауста, наконец, находит то, к чему они стремились с такою ненасытною тоской, к чему стремились так или иначе все поколения последних трех веков, со времен Реформации: скептики, идеалисты, революционеры, романтики, реалисты, нигилисты, пессимисты. Константин Левин по своему общечеловеческому, мировому значению — не только один из великих литературных «героев», но и последний из них, вместивший в себя вселенскую жизнь своей эпохи [3, с. 87; 88-89].

В проблемной статье «Героизм» Меньшиков полемизирует с Т.Карлайлем, ссылаясь на его работу «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841). Меньшиков дает свои вехи нравственного развития идеала и героев в истории — Гамлет — Фауст — Константин Левин: «Гамлет и Фауст — промежуточные типы сомнения; Левин — опять тип веры. В первой вершине этой трехтысячелетней волны господствует вера в физическую силу, в героизм борьбы. Затем идет постепенный упадок этой веры, начиная с еврипидовского Ореста и кончая глубоким скептицизмом Фауста. Одновременно растет волна новой веры — в нравственную силу, в героизм добра. Все другие бесчисленные литературные герои так или иначе колеблются в этих основных пределах духа. <...> Но крайне важно несомненное появление третьего типа — Левина, в лице которого смысл жизни снова возвращается на землю. Левин еще не настоящий праведник, темперамент у него еще грубый, но в нем открылось уже новое, высшее разумение, с которым можно жить легко и радостно, как Ахилл, но без его печалей. Левин знает, что он далеко не совершенен, но чувствует, что и со своим, и с чужим несовершенством теперь жить можно» [3, с. 90].

Меньшиков полагает, что Левин как новый герой-праведник XX в. должен быть обязательно верующим человеком и быть носителем нравственной правды, которая происходит от искренней веры: «Легко предвидеть,

что новый герой — Левин XX века — прежде всего должен быть человеком, верующим в Бога: верующим не так, как мы веруем — с поминутными колебаниями и сомнениями, — а глубоко, бесповоротно, наивно, ясно, как Ахилл в своих богов. Эта потребность, мне кажется, естественная и в законченных образцах человека — неодолимая. Вера в вечность жизни, признание высшей благой Воли даст не только силу переносить страдания и извлекать из них счастье, она даст духу человеческому божественное могущество и красоту. <...> Вторая черта нового героя, я думаю, будет нравственная праведность, вытекающая из веры. Верить в Бога — значит уже и любить Его, а любить — значит всем сердцем хотеть быть Ему подобным, исполнять волю Его больше, чем свою. <...> Вера в Бога, сколько-нибудь ясная и определенная, есть обнаружение Бога в сознании человека, есть величайшее движущее начало. Она требует повелительно, чтобы человек был богоподобным духом, таким же «совершенным, как Отец Небесный» [3, с. 91; 92].

В письме к Л.Н.Толстому от 22 октября 1895 г. говорится, что Меньшиков соединил изучение трактата «О жизни» с восприятием драмы «Власть тьмы», показывая значение образа старого Акима как образа воплощенного Разума, объединяющего человека с «жизнью мира», с Божественным, который в дальнейшем в проблемной статье «Героизм» Меньшиков осмыслит как героя-праведника из народа:

<<...> Я искренно благодарю Вас за доброту, с которою Вы разъяснили мне Ваше понятие о Разуме. Теперь, мне кажется, что я больше понимаю Вас, хотя всё-таки не совсем, и чувствую, что не по Вашей вине, а по своей. Иные, мне неизвестные мнения, я схватываю мгновенно, как будто родился с ними, — иные с большими трудами или даже и вовсе не усваиваю. Почти все признаки, которые Вы перечислили для Разума, подходят, как мне кажется, к тому, что я называю на привычном мне языке мысли — сознанием; разница та, что я считаю сознание явлением стихийным, накапливающимся во времени, продуктом воли, — происхождение же того, что Вы зовёте разумом, по-видимому, в Ваших письмах я не нашёл ответа: откуда происходит Разум, как он связан с отдельными свойствами души (умом, эстетическим, нравственным, религиозным чувством), почему даётся не в полной мере, раз нужен для отыскания цели жизни, почему заблуждается, как участвует в нём любовь и воля, т.е. не есть ли всё это в основной сущности своей одно и то же. Я не имею никакого права на Ваш труд и время и не жду ответов, но не могу оставить Вас в заблуждении, будто я всё уже понял. Напротив, под влиянием, может быть, желая согласиться с Вами, я уже почти соглашался, но на днях пошёл на «Власть Тьмы» в Малом театре и уходя оттуда, почувствовал снова, что я *прав* [курсив М.О.Меньшикова. — В. Т.] в своём взгляде на Никиту. Никита родной брат Аким, Аким же — сам воплощённый Разум, хотя Разум и стихийный (как и всякий Разум, не исключая Христова, по моему мнению). Надо сказать, что этот Аким ещё в чтении Вашей драмы захватывал меня и глубоко волновал, а тут ещё такое превосходное, просто гениальное его изображение Михайловым (ужасно мне жаль было, что Вы не видели этого Акима на сцене). Нет, это не физическая доброта, как Вы выражались о Никите, а яркая и сильная, хотя бы во многом (ненужном) и невежественное сознание, хотя бы и безотчётное, т.е. не ведающее, откуда оно и почему. Аким старше Никиты и проникновеннее, но и Никита способен также ясно понимать и поступать, как и Аким. Если бы Вы знали, какое хорошее чувство возбуждает эта драма! Какую горячую благодарность к Вам и уважение! Публика, впрочем, по-видимому, ещё недостаточно подготовлена для понимания Акима. <...>» [4, л. 11].

В размышлениях о новом герое-праведнике Меньшиков приходит к пониманию Разума, о понимании которого Л.Н.Толстым он просил дать ему разъяснения великого писателя. В статье «Героизм» Меньшиков формулирует свое понимание Разума и стремления человека приблизиться к этому Разуму: «Мы, безусловно, не в состоянии подражать Богу в величинах Его, но это потому, что величины и не суть божественные свойства: это свойства материи или, точнее, нашей материальности в ней. <...> Если мысль Канта и древних буддистов станет когда-нибудь общим достоянием и войдет в инстинкт людей, то для них в конце концов должна будет исчезнуть эта «сансара» мира, иллюзорность нашего мышления, и, как буддийские мудрецы, мы во всем будем видеть одну сущность. <...> Исчезнут признаки разделения, образующие теперь материю, останется открытым разуму один дух, один Разум, который и есть сама Сущность. Вот в этом Разуме и заключается то богоподобие человека, в котором дано ему совершенствоваться и приближаться к Отцу. Разум человека — не ум его, не логический прибор, а та сила, которая приводит этот и другие приборы души в действие, разум человека есть постепенное раскрытие в нем мирового Разума, развитие в сознании чувства Блага, то есть безграничной любви ко всему, бесконечного признания всего, примирения во всем, покоя во всем» [3, с. 93].

По убеждению Меньшикова, идеал воплощения этого праведника на земле — это Благая Весть и Христос, к свету и образу Которого человечество будет стремиться: «При всей божественности его образа нет более реального, более несомненно бывшего Человека, как Сын Человеческий, которого, читая Евангелие, видишь воочию. Не только учение, но само появление Христа было Благою Вестью: на бесконечные века доказательством возможности такого совершенства и, стало быть, его необходимости. Да, необходимости, так как хотим мы или не хотим, раз мы увидели свет, мы к нему движемся; если истина Христа до сих пор еще не покорила себе весь мир, то потому только, что ее не видят или видят смутно. И уже в смутных очертаниях красота этой правды неотразима; к ней тянутся все, хотя и непрямыми путями» [3, с. 94].

Таким образом, в 1890-х гг. для Меньшикова как литературного критика центральными категориями литературно-критического творчества стали философско-психологические понятия: «жизнь», «совесть», «разум», «воля», «сознание». В процессе восприятия философской публицистики Л.Н.Толстого, переписки с великим писателем, а также анализа толстовской пьесы «Власть тьмы» (1886) и рассказа «Хозяин и работник»

(1895) и новой интерпретации образов Константина Левина и Платона Каратаева Меньшиков в проблемной статье «Героизм» (1898) представляет свою литературно-теоретическую типологию развития типа идеального героя в истории на примере смены типов литературных героев. Меньшиков дает свою трактовку «вековым образам» (архетипам) литературных героев — герой-воин (Роланд, Баярд, Астольф, Артур), Дон Кихот как преодоление типа героя-воина, страдающие герои Шекспира (Гамлет, Лир, Отелло, Ромео), новые типы сомневающегося нравственного героя — Гамлет и Фауст, герои-праведники, носители нравственности, доброты и Высшего Разума — толстовские герои из народа — Аким, Никита, Платон Каратаев, герой-праведник из аристократии — Константин Левин как новый тип героя XX в., как носитель нравственного начала и веры. В полемике с Т.Карлайлем Меньшиков выстраивает собственную схему развития героического в истории, показывая, что в литературе типы героев развивались от сомневающихся героев (Гамлет — Фауст) к нравственному герою XX в. Константину Левину как носителю веры. Под влиянием Л.Н.Толстого Меньшиков как религиозный философ видит развитие сознания отдельных людей в стремлении к Высшему Разуму, то есть к Подобию Божию, которое соединяет все сознания, преодолевая границы отдельной личности в религии любви.

1. Лапшина Г.С. Газета «Неделя» Гайдебуровых // Лапшина Г.С. Забвению не подлежит: статьи о русской журналистике. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 76-102.
2. Меньшиков М.О. Письмо к Л.Н.Толстому от 23 сентября 1895 г. // Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва). Отдел рукописей. Ф. 1. Л.Н.Толстой (письма к Л.Н.Толстому). № 166/36. Конверт об. Штемпель: «Козлова засека» Меньшиков М.О. 23 IX 1895. Л. 6 (об), 7, 8.
3. Меньшиков М.О. Героизм // Меньшиков М.О. Великорусская идея. Т. II. / Сост., предисл., коммент. В.Б.Трофимовой. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 70-111.
4. Меньшиков М.О. Письмо к Л.Н.Толстому от 22 октября [1895 г.] // Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва). Отдел рукописей. Ф. 1. Л.Н.Толстой (письма к Л.Н.Толстому). № 166/36. Л. 11.

References

1. Lapshina G.S. Gazeta «Nedelya» Gaydeburovykh // Lapshina G.S. Zabveniuyu ne podlezhit: stat'i o russkoy zhurnalistike. M.: Flinta; Nauka, 2017. S. 76-102.
2. Men'shikov M.O. Pis'mo k L.N.Tolstomu ot 23 sentyabrya 1895 g. // Gosudarstvennyy muzey L.N.Tolstogo (Moskva). Otdel rukopisey. F. 1. L.N.Tolstoy (pis'ma k L.N.Tolstomu). № 166/36. Konvert ob. Shtempel': «Kozlova zaseka» Men'shikov M.O. 23 IX 1895. L. 6 (ob), 7, 8.
3. Men'shikov M.O. Geroizm // Men'shikov M.O. Velikorusskaya ideya. T. II. / Sost., predisl., komment. V.B.Trofimovoy. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012. S. 70-111.
4. Men'shikov M.O. Pis'mo k L.N.Tolstomu ot 22 oktyabrya [1895 g.] // Gosudarstvennyy muzey L.N.Tolstogo (Moskva). Otdel rukopisey. F. 1. L.N.Tolstoy (pis'ma k L.N.Tolstomu). № 166/36. L. 11.

Trofimova V.B. Typology of literary heroes of the literary critic M.O.Menshikov. The paper explores sources of formation of the concept of literary heroes of the Russian literary critic and publicist M.O.Menshikov (1859—1918), based on the critic on such philosophical and moral categories as “conscience”, “reason”, “spontaneous consciousness”, “moral revival of the person”. The author comes to a conclusion that Menshikov was interested in these concepts under the influence of late works by Leo Tolstoy and by the English philosopher and literary critic Thomas Carlyle.

Keywords: literary hero, literary criticism, concept of literary heroes of M.O.Menshikov, L.N.Tolstoy's journalism, theory of types of heroes-geniuses of Thomas Carlyle, philosophical and moral categories conscience, reason, spontaneous consciousness, moral revival of the person.

Сведения об авторе. В.Б.Трофимова — кандидат педагогических наук, член Союза писателей России, доцент ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» (Москва); vbtrofimova@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.